

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТОБОЛЬСКИХ КАЗАЧЬИХ РОДОВ в XVII–XX вв. (НА ПРИМЕРЕ РОДА КРУШИНСКИХ)

На основании впервые вводимых в научный оборот источников – подворных, похозяйственных переписей деревень Бегишевской волости Тобольского уезда, документов Тобольского комитета Севера, архива РУ ФСБ РФ по Тюменской области – рассматривается эволюция тобольского казачьего рода Крушинских. Крушинские принадлежали к первопоселенцам Сибири, зафиксированы в Дозорной книге 1623 г., входили в разряд казаков литовского списка, являлись владельцами одной из деревень «служилых людей». В статье прослеживается продолжительность во времени заселения территории после ее присоединения к Российскому государству людьми, прибывшими первыми.

Ключевые слова: род; служилые люди; казаки литовского списка; население; крестьяне; деревня; репрессии; Тобольская губерния.

Формирование населения Сибири преимущественно изучалось через эволюцию отдельных социальных групп. Основой населения Западной Сибири явились служилые люди. Наиболее массовой категорией служилых людей было казачество. Обращение к истории конкретных казачьих родов, на наш взгляд, позволит раскрыть всю сложность процесса заселения Сибири, проследить изменения в составе населения, выделить основные переломные моменты. В центре данного исследования находится история тобольского казачьего рода Крушинских, восходящего к начальному этапу истории Сибири и завершающего свое существование в рамках сталинских репрессий. Анализ эволюции рода проводится на основе микроисторического подхода. «Микроистория» в научной терминологии – понятие достаточно неустоявшееся, как и «микроанализ». А.А. Кром отмечает «плюрализм точек зрения» в трактовке понятия «микроистория» [1. С. 93]. Он подчеркивает, что «восприятие микроистории в каждой стране имело свою специфику», «разные историографические модели» [Там же. С. 95]. «Микроистория предполагает изучение малого исторического объекта», – пишет А. Поляков; при этом она «тяготеет к частному, единичному, случайному» [2. С. 314]. В процессе исследования при микроанализе «взаимодействии общего (массового) и единичного идет не только от массового к единичному, но и от единичного к теоретическим обобщениям» [Там же]. Что может представлять объект микроистории? Это и «семья как социальный институт» [Там же. С. 306], и «изучение жизненных путей туринских рабочих, их интеграции в городскую среду» [Там же. С. 96]. Исходя из этого, казачий род Крушинских – это тот самый микроисторический объект, эволюция которого рассматривается «в географически ограниченном... месте действия» [Там же. С. 100]. Понимание рода включает группу кровных родственников, носящих одну фамилию, ведущих свое происхождение от зафиксированного в самых ранних письменных источниках на данной территории одного предка. Относительно Крушинских ситуация осложняется тем, что в Дозорной книге 1623 г. названы два носителя фамилии Крушинских – братья «Данилка и Меркушка». В связи с этим возможным было бы употреблять понятие «родовой клан», определяя его как кровнородственную группу, объединенную одной фамилией, ведущую свое происхождение в Сибири от двух ро-

дона начальников, зафиксированных в Дозорной книге 1623 г. В то же время сложность источниковой базы не позволяет проследить последовательную смену поколений, как и разветвление Крушинских на потомков «Данилки» и «Меркушки», поэтому используется только понятие «род». Нет в распоряжении исследователя письменных источников, отражающих сознание членов рода в виде дневников, завещаний, переписки. Крушинские – молчаливые субъекты исторического процесса, и это ограничивает применение микроанализа.

Предложенная линия исследования опирается на факт наличия имен и фамилий тех, кто закладывал основы населения края в таких источниках, как «переписные, дозорные, межевые книги, подворные описи и материалы ревизий» [3. С. 85]. Они зафиксировали начальное ядро населения края [4. С. 100]. Облегчает осуществление исследования истории рода соотнесение принадлежавших к нему персонажей с конкретным поселением, которое являлось в данном случае первоначально «деревней» из категории «деревни служилых людей» (деревня братьев Крушинских). Деревни отражали проживание «многих поколений на одном месте» [Там же]. Историческое исследование, обращенное к разворачивающейся во времени истории одного из казачьих родов, родоначальники которого оказались в Сибири в самом начале ее освоения, в определенной степени правомерно определять и как явление «персональной истории». Л.П. Репина отмечает, что в исторической науке проявляется «тенденция к персонализации предмета истории» [5. С. 55]. В отличие от основного принципа «персональной истории», с задачей «раскрытия конкретного содержания процесса индивидуального сознания и поведения человека, выражающегося в усилении личностных ориентацией за счет групповых» [Там же. С. 66], анализ истории рода и «отдельных судеб» его представитель связывается с областью коллективного опыта. Сознание представителей этого рода в молчаливой истории Сибири может быть раскрыто через явления завершающего этапа существования рода Крушинских, а именно эпохи сталинских репрессий. В этом явлении обнажается суть сознания представителей этого рода, связанного с элементами индивидуализма, непринятия коллективного принуждения, наличия самостоятельности и независимости мышления, приверженности к индивидуальной форме хозяйст

ния, что сделало столь массовым вовлечение в сталинские репрессии представителей рода. Эти же черты сознания и поведения, на наш взгляд, во многом определили судьбу рода на широком историческом фоне, как и направление их в Сибирь в конце XVI – начале XVII в., а затем слабое продвижение по карьерной лестнице. Постоянная связь на протяжении многих веков с военной службой, на рубеже XIX–XX вв. проявившаяся в участии в Первой мировой войне, а затем в Белом движении, привела к сложному отношению к советской власти, а затем и участию в выступлении 1921 г. Впоследствии в рамках Большого террора эти явления были использованы против значительной части представителей рода, вовлеченных в репрессивную политику. Данное исследование близко к биографическому методу – методу «изучения индивидуального как вспомогательного для изучения коллективного, социального» [6. С. 52]. На основе обращения к микроистории (истории одного из казачьих родов Сибири) прослеживается один из вариантов эволюции тобольских казачьих родов как составной части населения Сибири. Изучение действующих лиц истории, ведущее к «персонализации истории... через обращение к судьбам простых людей, рядовых людей», позволяет «пролить свет на неизученные аспекты прошлого» [7. С. 7].

Несомненно, для данного исследования важен генеалогический метод исследования, не реализованный в полной мере, но автором учтены наработки генеалогов по истории крестьянских и казачьих родов, которые показали, что население Сибири восходит своими корнями к самому начальному периоду заселения и имеет долговременный характер существования. Об этом свидетельствуют исследования А.И. Бакиной по истории крестьянских родов Чикишевых [8], Чарковых [9], а также работы Н.Г. Злыгостева о казачьих родах Тобольского уезда [10]. Н.Г. Злыгостев прослеживал возникновение и крестьянских родов [11], связывая их с заселением новых деревень [12], которые имели устойчивое фамильное ядро.

Историография проблемы складывается из длинной цепочки авторских исследований разных проблем, занявших значительный временной промежуток и позволивших составить представление о путях изучения обозначенного явления. Она включает изучение имеющегося материала, касающегося истории похода Ермака, анализа сибирских летописей, отражающих поход Ермака и деятельность первых царских воевод в Сибири, истории такого явления, как владельческие деревни. Много времени ушло на исследование истории польско-литовского государства, изучение начальной истории казачества на широком историческом фоне с сужением проблемы до истории сибирского казачества. Особое внимание было уделено автором иноземному контингенту в составе казачества, и прежде всего такому явлению, как казаки «литовского списка». Исследование опиралось на знание истории Тобольска и его окрестностей, а также на детальное знание географии местности, о которой в основном идет речь. Для понимания судьбы представителей рода в XX в. потребовалось изучение таких явлений, как восстание 1921 г. на территории бывшей

Тобольской губернии, освоение Арктики в первой трети XX в., географии экспедиций в арктическую зону в советский период, а затем – литературы, касающейся массового террора в стране и в частности в Западной Сибири. Многие звенья исследовательского процесса нашли отражение в авторских публикациях.

Для определения исходного времени появления в Сибири Крушинских важно было определить место их проживания на территории Сибири, которое оказалось связано с деревней «служилых людей» Крушинских, что позволило проследить преемственность в поколениях. Деревня относилась к категории «деревни служилых людей», выделенных Дозорной книгой Тобольского уезда 1623 г. [13]. П.Н. Бучинский приводил названия 82 деревень служилых людей близ Тобольска [14. С. 118–126. Подсчет]. Они раскинулись по западному и восточному берегам Иртыша, вверх по нему – в сторону Вагая, вниз – в направлении северных территорий, а также по берегу Тобола, по небольшим речкам и вблизи крупных озер. Расположение деревень служилых людей свидетельствует не столько об их колонизационной роли, сколько о выполнении их владельцами стратегической, защитной («караульной») функции [15]. Все возникшие владельческие деревни, отраженные в Дозорной книге 1623 г., мы связываем с теми историческими персонажами, которые оказались в Сибири с Ермаком, С. Болховским, И. Мансуровым, В. Сукиным, И. Мясным, Д. Чулковым. «Первыми насельниками покоренного края, – как считал еще П.Н. Бучинский, – были те служилые люди, которые и завоевали его» [14. С. 185]. Он же отмечал, что «начальные лица, совершившие поход... возвращались на Русь... но остальной состав экспедиции водворялся в Сибири...» [Там же. С. 193]. Особый интерес представляет цепочка деревень служилых людей в количестве более 20 по восточному берегу Иртыша, от Кучумовой Сибири в сторону Вагая, и не только потому, что именно в их числе и находилась деревня Крушинских. Названия этих деревень (Иванова, Яковлева, Крушинских, Булгакова, Мордвинова, Выходцева, Измайловых, Сергеева, Станиславова, Матюшкина, Косовецкого, Черного, Мельникова, Волкова и т.д.) зафиксировали устоявшиеся фамилии, в том числе связанные со служилыми русскими родами, представленными при государевом дворе. Этот факт свидетельствует о том, что в отрядах русских воевод были и те, кто служил важную государеву службу. Их оставление в Сибири на службе и жительстве было наказанием или опалой, что со второй половины XVI в. было частым явлением. Цепочка владельческих деревень на этом участке привлекает внимание и тем, что располагались они в местах, где некогда активно действовали побежденные, и эти земли должны были после покорения кучумовичей принадлежать тем, кто имел большое влияние в ермаковой эпопее и событиях, с ней по времени близко связанных [15]. Первоначально покинув территорию после гибели Ермака, члены его отряда возвращались с отрядами воевод В. Сукина, И. Мясного, Д. Чулкова и на правах участников самых важных военных операций становились хозяевами владельческих деревень. Если сопоставить сло-

жившиеся в источниках [16. С. 148–149] и научной литературе – в работах Г.Е. Катанаева [17. С. 55, 56], А.А. Преображенского [18. С. 41, 47], Р.Г. Скрынникова [19. С. 14, 17, 18, 21, 55, 67, 185–187], А.П. Яркова [20. С. 98, 99], Е.К. Ромодановской [21. С. 14–21] – сведения о тех, кого историки, на основе Синодика, разных челобитных, источников о вкладчиках в Чудов монастырь, относят к «ермаковцам» [15], то таковых насчитывается около трех десятков человек, большая часть из которых названа преимущественно по именам. В соответствии с понятием «ермакова сотня», исходящим из XVII в., цифру оставшихся в живых ермаковцев определяли в 100 человек [17. С. 90].

Деревень, соотносимых с известными именами ермаковцев, немного, но они есть: Иванова (хотя число исторических персонажей раннего этапа сибирской истории с именем Иван было очень значительным: Кольцо, Гроза, Глухов, Киреев (был и Гаврила Иванов), Яковлева (атаман Яков Михайлов), Антонова (Осташка Антонов), Сысоева (Ларка Сысоев), Ясырева (Ясыря), Кузмина (Ульян Кузьмин)) [19. С. 14, 187, 189, 237; 21. С. 19]. Да и топонимика окрестностей Тобольска, несомненно, складывалась под влиянием событий конца XVI – начала XVII в. Среди этих названий (Черкасова Еректа) рядом – Савинская протока (Черкас Александров и Савва Болдыря), «Тырковка» – дорога в сторону города (по Дозорной книге 1624 г. г. Тобольска – сын боярский Василий Тырков) [22. С. 7], деревня Жуковка (служилый человек Беззон Жуков) [Там же. С. 10] и т.д.

Только применительно к участку от Старой Сибири до Ермаковой перекопи, где располагалась деревня служилых людей – братьев Крушинских, сохранялась легенда о раздаче земель самим Ермаком, о чем общал тоболяк XIX в. М.С. Знаменский. Речь шла о деревне Котиной – служилых людей Котовых, расположенной в двух верстах от Искера (Сибири) [23. С. 34]. Родовое предание Котовых гласило, что они вели «свой род от казака, пришедшего с Ермаком и получившего от завоевателя Сибири в потомственное владение землю». П.Н. Буцинский поместил деревню Котиных среди деревень служилых людей, выявленных им по Дозорной книге 1623 г., на речке Сибирке, близ кучумовой Сибири [14. С. 119]. На этой же линии, только восточнее, находилась деревня братьев Крушинских, отразившая, несомненно, особый статус среди победителей кучумовичей, в том числе и Крушинских, которые получили земельные владения на очень значимой по тем временам территории.

Крушинские – казаки, но изначально источниками отнесенные к казакам литовского списка и упоминаемые в источниках только в этой категории казачества. В Дозорной книге 1623 г. сказано, что «деревня на реке Мостовой, во дворе служивые люди литовского списку Меркушка и Данилка Крушинские», перечислены их земельные наделы: «пашни паханые луговые и дубровные середние земли в трех месте двенадцет чети да перелог лесом поросло десять чети в поле а в дву потому ж лесново места дубровы пят десяти. Сенных покосов за речкою Мостовою в лугу триста копен» [24]. Г.Ф. Миллер под 1741 г. поместил в своих описаниях деревню Крушинскую на восточной стороне

небольшой речушки Стомак. Стомак – скорее всего, татарское название р. Мостовой, которая впадала в Иртыш с восточной стороны [25]. Расположение д. Крушинской отражают данные XIX в.: 47 км от Тобольска, на проселочной дороге [26. С. 292].

В 1710 г. деревня братьев Крушинских была переписана среди владений Софийского двора. П.Н. Буцинский, обращая внимание на разрастание владений тобольского епархиального центра – Софийского двора, указывал на документ, в котором архиепископ Герасим, при вступлении на престол Алексея Михайловича, писал государю, что «земля на речке Мостовой около 300 десятин пустая... и просил отвести ее Софийскому дому», и государь, отмечал П.Н. Буцинский, «землю пожаловал» [14. С.143]. Так, земля на речке Мостовой, на которой лежала деревня Крушинская, оказалась во владениях Тобольской епархии. В ней в 1710 г. только один из жителей имел фамилию Крушинский: драгун Яков Карпов Крушинский, 50 лет, жил с женой Екатериной, 40 лет, и двумя сыновьями: Дмитрием, 20 лет, и Силом, 12 лет [27]. Почему драгун жил в деревне? Только потому, что время его службы закончилось. Служилые люди оседали в своих деревнях с окончанием службы. Драгуны как «пешие воины, посаженные на лошадей» в Тобольске появились в 1667–1669 гг., когда и был организован полк драгун, в него вошли беломестные казаки и литвины [20. С. 35]. В 1686 г. драгун первых перевели на службу «с пашни», лишив денежного жалованья. Учитывая количество дворов в деревне в 1710 г., она к тому времени не получила развития, что вполне объяснимо тем, что казаки Крушинские активно несли государеву службу.

По Книге окладов 1696 г. Крушинские представлены в числе казаков «литовского списка» в количестве трех человек: Якимко Крушинский с окладом в 10 руб. с четью, при самом высоком окладе в 14 руб., в списке он девятый, Митька Крушинский имел оклад в 8 руб. с четью, а Ганька Крушинский – 7 руб. с четью. Перечень казаков литовского списка дополнялся списком рейтаров, относительно которых указано, что «по грамоте великих государей 186 г. (1676 г.) велено литве быть в рейтарах», в нем двое Крушинских: Ивашко и Олешка, сын Василия Крушинского [22. С. 48, 49]. Несколькими годами ранее в Книге именной тобольских служилых людей также числился среди казаков «литовского списка» Яким Крушинский, но были еще Степан и Гаврило, а среди рейтаров те же самые Иван и Алексей, но Иван назван с отчеством – Иван Григорьев Крушинский [28]. Таким образом, в этом служилом разряде у Крушинских стабильная численность – 5 человек, что составляет 2% от числа казаков литовского списка, 3,8% – из числа рейтаров. Больше ни в каких других категориях казачества Крушинских мы не встречаем, кроме как среди казаков «литовского списка». При изучении других казачьих родов прослеживается черта попадания их представителей в конные казаки, пешее казачество. Но Крушинские представляют казаков, привязанных только к разряду казаков «литовского списка». Постоянно сохраняют одно и то же число присутствия в этом служебном разряде, как и в категории рейтаров.

Допускаем, что это определялось незначительной численностью рода, активной службой внутри этого служилого разряда. Крушинские направляются в отдаленные территории в процессе освоения Сибири и остаются там на жительство. Гаврило Крушинский, которого нет в Книге окладов г. Тобольска 1696 г., а до этого упоминавшийся в Книге именной служилых людей Тобольска, встречается в 1696 г. в «Договоре» служилых людей Селенгинска, Удинска, Катанского и Ильинского острогов, как служилый человек г. Удинска [29].

Источники XVII в. знают «поляков», «литвин», «литву», «казаков литовского списка». Наши исследования различий между вышеназванными явлениями привели к выводу о том, что «литва» появляется на территории Сибири уже в конце XVI в. [30. С. 128], а среди служилых людей России «литва» есть с конца XV в. Казаки «литовского списка» отличны от «литвы». Они – явление только сибирское, появляются в начале XVII в. С нашей точки зрения, казаки «литовского списка» – явление, связанное до появления на территории России с принадлежностью к профессиональному военному разряду Польско-Литовского государства, реестровому казачеству [Там же. С. 130], где, при разнообразном рядовом составе, руководящие должности принадлежали польской шляхте [Там же. С. 131]. Слово «реестр» буквально означало «список». В Сибири они появляются с вынужденным или добровольным переходом на русскую службу в условиях Ливонской войны и завершающегося Смутного времени. В то же самое время, когда в восточные владения Московской Руси направляются для поселения пленные, сюда перемещается и казачество. Р.Г. Скрынников пишет, что «казачьи городки на Волге появились в 1560-е гг., Волга стала важной торговой артерией» [19. С. 135, 137]. Казаки литовского списка отличались профессиональными навыками в военном деле, что в тех условиях как раз и требовалось в Сибири. В последующем в эту категорию стали включать поляков и «литву». В Тобольском гарнизоне их численность было строго фиксированной в 150 (учитывая «убылых») человек, дополнялась рейтарами (54 человека).

Крушинские – поляки. Фамилия зафиксирована в перечне старинных польско-литовских родов гербов Побог и Правдзиц, последний имел более позднее по времени, по сравнению с гербом Побог, возникновение – 1351 г. [31]. Поселения с названием Крушин, от которого и могла возникнуть фамилия шляхтичей Крушинских, как предполагаемое место их исхода, имеются как в Западной Белоруссии, так и в Польше. Таким образом, следует считать, что территорией исхода было Польско-Литовское государство. В числе тех, кто связан с владельческими деревнями под Тобольском в начале XVII в., носителей польских (польско-литовских) фамилий немного, всего шесть [13]: Косовецкий, Черный, Любимской, Низовской, Тычинский, Аршинский и Крушинские, а на пространстве от Старой Сибири вверх по Иртышу в сторону Вагая только две деревни хозяев с явно польскими фамилиями: Косовецкий, Крушинские. Здесь же есть Безсонко и Черный, но «Черный» могло быть и прозвищем, Безсонко, в Дозорной книге г. Тобольска

1624 г. записан как «Безсонко Жуков» [22. С. 10]. Не все казаки литовского списка получали земли. Рядовые с русскозвучащими фамилиями проживали в Тобольске, служили за жалованье. Часть казаков литовского списка, по всему принадлежавшая к более знатным по происхождению фамилиям или же имевшим более весомый военный опыт, получили земли. Среди них – Крушинские.

В Тобольске казаки «литовского списка» как обладавшие отличительным военным опытом чаще всего направлялись в наиболее сложные походы по разведыванию новых земель, сопровождению посольских служб, походы в степь и играли важную роль в освоении огромных восточных пространств Русского государства. «Список 1633 г.» по г. Тобольску дает возможность видеть те функции, которые выполняли казаки, в том числе и того самого «литовского списка»: отправлены «в Енисейск на житье», «с хлебными запасами в Мангазею» (и «по 142 г. – 1636 г. в Тобольске не бывали», т.е. не вернулись), в Тару (и также на 141 г. не вернулись), в поход «на кучумовых внучат», «на государевых изменников», «юртовских татар и колмыцких людей», в Мутные и Земляные реки, на Лену в новые земли, в Турухан – водяным путем, «в новые земли – на 3 года», а также в Обдор, Березов, Москву, оставшиеся в Тобольске – «на государевы рыбные ловли», в «ясачные волости для ясажногобору», «в сибирские города за колодниками» [22. С. 28]. В некоторых источниках сохранились конкретные сведения о Крушинских, связанные с направлением их в отдаленные территории, что не содействовало укреплению их владельческой деревни и численному увеличению рода. В 1675 г. при выезде из Тобольска в Китай посольства Н.Г. Спафария, в Тобольской приказной избе была составлена роспись тобольских служилых людей, направленных с посольством, в их числе назван «казак литовского списку» «Митька Крушинский», на место которого (в «Список») направлен его брат двоюродный Микифорко сын Офонасьев» [32]. Есть сведения о Крушинских, попавшие в «Полное собрание законов Российской империи»: Иван Крушинский, в должности поручика конных казаков, направлен из Ямышевской крепости (на правом берегу Иртыша на территории современной Павлодарской области Казахстана) с командой солдат и служилых людей «для присмотра неприятельских лошадей казачей орды». События датированы 27 сентября 1727 г. При выполнении задания были отбиты и три русских «полоников» и взято 14 лошадей русских и барабинских. За «ними гнались сутки, но догнать не смогли», пало у отряда Крушинского шесть лошадей [33. С. 832].

Переход земель по речке Мостовой во владения Тобольской епархии стал причиной утраты владельческой деревни Крушинскими, которых мы находим в XVIII в. в деревне Полуяновой, основанной также в самом начале XVII в. посадскими людьми Полуяновыми. Расположилась она на противоположной стороне речки Стомак в 42 км от Тобольска. По четвертой ревизии населения в 1780-х гг. деревня Крушинская сохранилась, но в ней нет ни одного Крушинского. В то же время география их расселения в восточ-

ном направлении расширилась. В 1771 г. в станце Грачевском Усть-Каменогорской крепости числился и казак Крушинский [34].

Типичным явлением для владельцев деревень было попадание в категорию «дети боярские», где ни в одном списке Крушинские долгое время нам не встречались. Однако Переписная книга по г. Тобольску за 1754 г., называя крестьянина Степана Максимова, 67 лет, с сыном Петром, 15 лет, указывает, что это крестьянин... «отпущен на волю» «от бывшего сына боярского Гаврилы Крушинского» [22. С. 99]. Таким образом, представители Крушинских входили и в такой разряд, как «дети боярские», но принадлежность к нему утратили. Нельзя не учесть то, что этот служебный разряд был ликвидирован на государственном уровне. Однако отмечаем, что Крушинские являлись в определенное время собственниками земель и «владельческих» крестьян.

Молчалив относительно Крушинских XIX в., который для сибирского казачества стал переломным в связи с сокращением его контингента на территории Тобольской губернии, перенесения центра в г. Омск. В конце XIX в, согласно переписи 1897 г., в деревне Крушинской всего 8 дворов и в ней живут Ишимцевы (5 дворов), Локотковы (1 двор), Крушины (2 двора). Имена Крушинных: Яков Дмитриевич, Савелий Алексеевич, типичны для имен, встречающихся у Крушинских (Дмитрий, Яков, Алексей) [35. Д. 203. Л.1, 2 об]. Крушины названы крестьянами, с пометкой «из бывших владельческих» [Там же. Л. 2 об.]. До этого Василий Осипов Крушин встречался в Переписной книге крестьян и разночинцев г. Тобольска второй и третьей ревизии, в 1763 г. было ему 55 лет, жил он в Тобольске с женой Екатериной, 40 лет, девичья фамилия ее Яркова, и дочерью Ириной, 17 лет [22. С. 10, 11]. Собственно, Крушинские в конце XIX в. жили в деревне Полуяновой в нескольких километрах от своей бывшей родовой деревни. В списках тобольского чиновничества Крушинских найти не удалось. Проживали в небольшом количестве они в деревне Полуяновой.

Деревня Полуянова оказалась в конце XIX в. на тракте [26. С. 121], который шел в восточном направлении, была многолюдна. В ней жили Полуяновы (более 20 дворов), Таскаевы (4 двора), Генераловы, Ковалевы, много поселенных в деревне ссыльных и вышедших из Тобольского тюремного замка (Архип Вангелевский, Терентий Гетманов, Тихон Юдонович, Арсений Супригин, Семен Манстолер, Фома Найда), и в этой же деревне – Крушинские (4 двора) [35. Д. 203. Л. 11–43]. Один двор – Павла Андреевича Крушинского, 30 лет, холостого. Три двора – семейных Крушинских, имеющих детей [Там же. Л. 43 об.]. Самая многочисленная семья Кузьмы Васильевича Крушинского, 55 лет, проживающего с женой Еленой Григорьевной, 55 лет, при них два сына – Семен и Терентий, дочь Мария. Семен уже был женат и имел сына Гаврилу [35. Д. 203. Л. 13 об.]. Вторая семья – Федора Афанасьевича, 40 лет, грамотного, окончившего приходское училище. Жил с женой, имел трех дочерей и двух сыновей. С ними проживала мать Федора – Мавра Ивановна [35. Д. 203. Л. 11]. Третий семейный Крушинский – Степан Федорович, 56 лет,

жил с женой Евдокией Яковлевной, 50 лет, и одним сыном – Василием Степановичем, 19 лет [Там же. Л. 25]. Общее число Крушинских, с учетом жен, составило 20 человек. Вот весь прирост Крушинских за целых три века. Явно отличала Крушинских грамотность, что особенно было заметно в среде неграмотного населения деревни Полуяновой.

Подворный список деревни Полуяновой за 1927 г., т.е. в год развертывания коллективизации, вновь показывает Крушинских в числе жителей деревни. Численность их несколько увеличилась. Находим девять семей Крушинских, и только одна семья Крушинского Семена Кузьмича дает ответвления в виде двух уже новых семей – Алексея и Дмитрия. Семен Кузьмич занимался торговлей скотом с 1907 по 1926 г., но узнаем мы об этом уже из документов НКВД 1937 г. [36. Д. 1065. Л. 9]. Несколько семей Крушинских проживали в деревне Бакшеевой, той же Бегишевской волости, к которой относилась деревня Полуянова. Семьи Крушинских по численности небольшие, в основном 2–3 ребенка, преобладают девочки. Среди детей: 6 мальчиков – 16 девочек. [37. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–15]. Возможно, преобладание рождающихся девочек было родовой чертой Крушинских, что и привело к тому, что фамилия не получила широкого распространения и за несколько веков прирост Крушинских на пространстве Тобольского уезда был столь незначительным. На 1927 г. в Полуяновой Крушинских всего 35 человек с учетом жен и проживающих в некоторых семьях матерей. Появились семьи вдов, без глав семей [Там же. Л. 8–11]. Откуда вдовы – вопрос пока оставался без ответа. Семьи Крушинских на 1927 г. определялись как семьи середняков, но со значительными наделами земли: на семью – 21–28 десятин.

Предстоящая перед нами обидно упрощенная линия существования рода Крушинских, по переписным и похозяйственным книгам, извлеченным их архивов, показывала из века в век очень незначительные приросты численности носителей этой фамилии. Похозяйственные книги деревни Полуяновой начала советской эпохи отразили их земельные владения, социальный статус «средняков». И вдруг историческое существование по этим документам Крушинских прервалось на целых полтора десятилетия – сведения о Крушинских в похозяйственных книгах деревни Полуяновой исчезли. Вновь обозначившиеся во второй половине 1940-х гг. в деревне Полуяновой Крушинские представляли какое-то странное явление – одна семья с наличием мужчин, а остальные – женщины, вдовы. Первое, что приходило в голову при поиске ответа, – причины – в Великой Отечественной войне. Но вставал вопрос, почему и в 1930-е гг. о них вдруг переписи замолчали. Стремление понять исчезновение информации о Крушинских, длительное время не дававшее ни каких результатов, привело в архив РУ ФСБ по Тюменской области, где были найдены ответы на вопрос об исчезновении Крушинских на длительный период и появлении затем в очень ограниченном количестве, фактически ознаменовавшем конец исторического времени Крушинских.

Архивные материалы дали картину масштабной трагедии рода. Ее корни оказались связаны с тради-

ционной приверженностью Крушинских к военной службе, которую в начале XX в. они выполняли, участвуя в Первой мировой войне. Однако впоследствии в документах НКВД участие в Первой мировой стало определяться как служба в царской армии, как будто войны, в которой участвовало государство, просто не существовало, да и государственные мобилизации на войну не учитывались. Оставалась строка в следственном деле – служба в царской армии. После войны они стали участниками Белого движения, а затем – участниками восстания 1921 г. Восстание было масштабным явлением в истории Западной Сибири начала XX в. Р.С. Гольдберг пишет: «Восставших было около ста тысяч человек. Списков убитых в боях и стычках с регулярными частями... никто не составлял» [38. С. 11]. Больше всего документов отложилось о восстании в другом уезде – Ишимском. В «Докладе председателя Революционного военного трибунала Сибири Опарина» от 1921 г. можно найти причины, толкнувшие крестьян Западной Сибири к выступлению в 1921 г. В документе говорилось, что «Ревтрибунал Сибири по распоряжению Сибирского Революционного Комитета, в согласии с помглавкомом Сибири» рассматривал на месте дела «о повстанческом движении». При рассмотрении выяснилось, что «значительная доля вины в повстанческом движении падает на ненормальную постановку продовольственной работы в уезде вообще и не правильные и преступные действия отдельных лиц из числа продработников» [Там же. С. 12]. Были приведены примеры действий продработников: «Чрезвычайный Уполномоченный по продовольствию Соколов... наносил побои гражданам... производил конфискации разного рода имущества и скота, оскорблял крестьян матерной бранью... употреблял угрозы револьвером» [Там же. С. 13], «райпродкомиссар Гушин и начальник отряда Гуляев применяли при проведении разверстки оружие и пороли крестьян плетью», «продинструктор Гурман занимался конфискацией брюк в свою пользу», «продинструктор Яковлев без всяких оснований арестовывал граждан», «продработник Щукин во время разверстки бегал по улице с обнаженным пистолетом, арестовал 67 человек», «уполномоченный Контрольной тройки труда Кубанский употреблял при разверстке истязания, бил веревкой с громадными узлами и грозил револьвером» [Там же] и т.д. Острое противостояние проявилось в г. Тобольске, где новая власть стала применять массовые расстрелы. В мае 1921 г., по данным Тюменского губкома, в городе было расстреляно 200 человек [39. Д. 210 оц. Л. 71]. В материалах Тюменского Губкома партии большевиков особо отмечался размах выступлений в Бегишевской волости Тобольского уезда, где «крестьяне ожидали всеобщего восстания» [Там же. Д. 279 оц. Л. 41]. Бегишевская волость была территорией традиционного проживания казачьих семей, а в начале XX в. – их потомков.

В восстании 1921 г. от рук большевиков, как показал один из документов РУ ФСБ по Тюменской области, погиб Терентий Кузьмич, названный «активным участником бандитского восстания», он был «расстрелян красными в 1921 г.», в его биографии – служ-

ба в царской армии и чин старшего унтер-офицера. В восстании участвовал сын Семена, брата Терентия, – Дмитрий, исчез в это же время еще один сын Семена – Гаврила [36. Д. 1065. Л. 9, 44 об.]. Это исходное событие, которое и приводит к концу рода Крушинских. В начале XX в.: служили на военной службе, участвовали в войнах, прирастали чинами. Семен Кузьмич не воевал, но занимался торговлей, разводил и торговал лошадьми. В церкви был старостой.

Все это новая власть Крушинским не простила. На страницах архивных следственных дел социальный статус Крушинских линии Кузьмы Васильевича определяется как «зажиточный крестьянин-кулак», отмечались применение до революции наемного труда, наличие в хозяйстве значительного числа лошадей [Там же. Д. 1065. Л. 44 об.; Д. 1962. Л. 40]. Крушинский Дмитрий Семенович, 8.11.1898, из деревни Полуяновой, сын Семена Кузьмича, оказался под бдительным присмотром органов ОГПУ-НКВД. Учитывалось и чем отец занимался, и кем дядя был, и что сам Дмитрий в армии Колчака в 1918–1919 гг. рядовым служил, и то, что являлся участником восстания 1921 г. На протяжении 1920–1930-х гг. несколько раз был осужден: в первый раз – в 1926 г., затем – в 1932 г. – на 10 лет лагерей. Был досрочно освобожден. Однако в 1937 г. репрессирован, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян, по решению тройки от 11 марта 1938 г. [36. Д. Р-1962. Т. 1. Л. 41, 111, 133, 19]. В 1938 г. в один год скончались Крушинский Семен Кузьмич и его жена Наталья Ивановна [Там же. Д. 1065. Л. 9]. Причина одновременной смерти неизвестна.

Крушинский Иван Петрович, родившийся 14 сентября 1895 г., определенный уже в другом следственном деле 1938 г. как «кулак», использовавший наемный труд, причем как в дореволюционный, так и послереволюционный период, также отслужил в царской армии в 35-м пехотном полку в 1916–1917 гг. В 1919–1920 гг. служил в Белой армии. Принял участие в восстании 1921 г. По характеру участия в восстании определялся как «организатор бандвосстания». По решению тройки от 14 марта 1938 г. получил наказание в 10 лет ИТЛ [Там же. Д. Р-2793. Л. 2, 48–48 об., 49, 51 об., 52]. Его брат Крушинский Флор Петрович в 1937 г. проживал в Тобольске, родившийся 17 августа 1888 г., имел очень сложную по меркам того времени биографию. Получил образование в школе села Преображенского. В 1906 г. стал служить помощником волостного писаря, письмоводителем у крестьянского начальника. В 1909 г. взят служить в царскую армию, служил с 1909 по 1912 г. всего лишь старшим писарем. Вернулся и вновь оказался волостным писарем, но уже в 1914 г. был мобилизован в царскую армию, получил звание «заурядчиновник». В этом же чине оказался и в армии Колчака. В Белом движении был определен как «чиновник военного времени», службу продолжал в 1918–1919 гг. В 1920–1922 гг. пригодился и новой власти, служил в Таре, в отделе допризывной военной подготовки Тарского военкомата. Но на протяжении 1930-х гг. стал подвергаться мерам воспитательного воздействия. В 1930 г. был посажен в Тобольскую тюрьму, освобожден в 1931 г. Стал проживать в Тобольске, работал плановиком Снабтех-

прома Облрыбтреста. Осенью 1937 г. арестован, расстрелян 10 октября 1937 г. [36. Д. Р-2032. Т. 1. Л. 140–142; Д. Р-2032. Т. 9. Л. 129–131]. В следственном деле – полное признание вины по всем предъявляемым обвинениям: признание наличия связей с лицами контрреволюционной деятельности, принадлежности к контрреволюционной группе из 13 человек, «вовлечение в группу нового числа членов из разложившихся враждебных лиц», специальное недоброкачественное выполнение работ, «чтобы качество работы не соответствовало действительному», «проведение подрывной и вредительской работы», «проявление враждебности против проводимых мер партии и правительства», признал и то, что «в случае войны против СССР хотели поднять восстание и свергнуть советскую власть» [Там же. Д. 1962. Л. 45–47].

В 1940 г. был арестован брат Дмитрия Даниил Семенович 1907 г. р., «с указанием, что “брат бандита, арестованного органами НКВД в 1937 г.”. Указано, что он являлся в 1923–1929 гг. колхозником, в 1929–1931 гг. служил в РККА, отбыл наказание в течение шести месяцев в 1936 г. «за халатность в работе» [36. Д. 1065. Л. 6 об.], которая заключалась в том, что выпал снег и «урожай гороха на участке в 2 га ушел под снег», а во втором случае, будучи уже животноводом, допустил падеж скота. Каждый раз наказание отбывал в колхозе [Там же. Л. 14 об.]. Третий раз был арестован уже за антисоветскую деятельность, выразившуюся в проявлении «недовольства советской властью и колхозным строем, за то, что «в похабной форме дискредитировал партию и правительство, и лично т. Сталина», «материл и срамил Сталина» [Там же. Л. 44]. Свидетельские показания дали «односельцы», а также жена Крушинская Прасковья Петровна, брат Алексей Семенович, который в тот период был председателем колхоза. Даниил был осужден Тобольским окружным судом 22 мая 1941 г. на 10 лет ИТЛ. Арестован был во время болезни крупозным воспалением легких, умер 1 августа 1943 г. в ИТЛ № 8 [Там же. Л. 65, 67, 68]. Реабилитирован посмертно 14 мая 1992 г. Реабилитация расстрелянных и направленных в лагеря, там и сгинувших Крушинских, за исключением павших в 1921 г., проведена в 1957–1958 гг.

Внук Кузьмы Васильевича, сын Терентия Кузьмича Крушинского, Степан Терентьевич, 1909 г. р., рано остался сиротой – отец убит красными в 1921 г., матери тоже не было. Грамотный Степан стал секретарем комсомольской организации деревни Полуяновой, женился, родилась дочь. Но в его судьбу вмешалось следующее обстоятельство. Уральский комитет содействия народностям северных окраин, а Тобольск в тот период относился к Уральской области, принял решение 28 февраля 1932 г. направить комсомольскую научную экспедицию в Ямальский округ, выезд был намечен на 5 марта, срок работы 4–5 месяцев [40]. Дело было важным и находилось в русле государственной линии, реализуемой в отношении северных территорий Президиумом ВЦИК. Комитет содействия народностям Севера определил территории работы: одна из трех – Крайний север европейской части СССР, Урал, Зауралье. Подразделение Уральского комитета находилось в Тобольске. В условиях разво-

рачивающегося воздействия на его ближайших родственников Крушинский Степан Терентьевич отправился в экспедицию. Полагаем, что это была попытка бегства от складывающихся обстоятельств. Экспедиция была совершена на территорию Новой Земли, где основная часть экспедиции, в том числе и Степан Крушинский за очень короткий период времени погибли от цинги. Тела их были «захоронены» в вечной мерзлоте. В то место, где погибли члены экспедиции, в 1943 г. вновь выезжали по какой-то надобности, и в ледниковой могиле, яме или просто на льду, где были упокоены умершие, были вновь осмотрены тела участников предыдущей экспедиции.

В годы Великой Отечественной войны Крушинских в деревне Полуяновой не было [37. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–8]. В 1946 г. в деревне обозначился только Крушинский Иван Федорович 1880 г.р., с женой Варварой Федоровной 1887 г.р., сыном и дочерью [35. Оп. 2. Д. 23. Л. 7], что свидетельствует о том, что наряду с репрессиями против значительной части Крушинских последовало принудительное выселение остальных. К концу 1950-х гг. Крушинских – 10 человек, представляющих 7 семей с преобладанием лиц женского пола. Много семей неполных, и если судить по отчествам, то можно говорить только о сохранении одной семьи Ивана Федоровича и его потомков. Иван Федорович и Варвара Федоровна в возрасте и фактически доживали свою жизнь, их сын Алексей Иванович указан как инвалид Великой Отечественной войны [37. Оп. 2. Д. 69. Л. 43–44].

Репрессии 1930-х гг. уничтожили ядро рода Крушинских. Послевоенные события отразили дальнейшее уменьшение представителей этого рода. Последней жительницей села с фамилией Крушинская стала Матрена Ивановна, дочь Ивана Федоровича, 1922 г.р. Крушинских в деревне Полуяновой не осталось.

Таким образом, Крушинские в силу внешних обстоятельств оказавшиеся в Сибири в самый начальный период ее заселения, на протяжении ряда веков выполняли сложную государственную службу, специализируясь преимущественно на военной службе. Длительное время относились к специфической категории казачества казаки «литовского списка», отличавшегося военными навыками, и использовались в наиболее сложных операциях, походах. Этот служилый разряд исчез в первой четверти XVIII в. Обладание владельческой деревней оказалось недолговременным в силу колонизации местарасположения деревни Тобольской епархией. Соотнося данное явление с ростом населения Сибири, можно утверждать, что те, кто закрепился в крае в деревнях, имел длительное продолжение во времени, но не всегда значительное численное приращение. Утрата владельческой деревни привела к переселению в близлежащую деревню. Нельзя не отметить, что интенсивность казачьей службы с направлением в отдаленные экспедиции, а также на поселения в другие вновь осваиваемые земли обусловили медленный прирост численности рода. Численный рост рода Крушинских, прослеживаемый по месту их основного проживания – Бегишевская волость Тобольского уезда, – за весь исторический период незначителен. Наибольшая численность падает на конец

1920-х гг. Прекращение существования рода Крушинских в Западной Сибири приходится на 1930–1940-е гг. и обуславливается сталинской репрессивной политикой, непосредственно затронувшей и Крушинских, с приговорами в виде высшей меры наказания и лагерей. Основаниями привлечения Крушинских к репрессиям стало их материальное положение – наличие крепких крестьянских хозяйств и сохранение приверженности военной службе. Крепкое материальное положение, наличие значительных наделов земли в условиях смены власти толкнули Крушинских, как и основную часть потомков казачества, на выступление против советской власти в восстании

1921 г. В рамках сталинских репрессий все это и стало основанием конца исторического существования рода. Нерепрессированные были подвергнуты принудительному переселению из деревни. В послевоенный период в месте многовекового проживания Крушинских появилась только одна семья, с которой связано некоторое время существование Крушинских. Устойчивые семейные очаги, состоящие из нескольких поколений, исчезли, что в конечном итоге привело к их исчезновению в месте многовекового проживания. В 1950-е гг. перестала существовать и деревня с названием «Крушинская». В XX в. известно всего одно надгробие, на котором зафиксирована такая фамилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кром М.М. Историческая антропология : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб. ; М.; Изд-во Европейск. ун-та в СПб. ; Квадрига, 2010. 214 с.
2. Неклассическое наследие. Андрей Поляков / отв. ред. И.М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 704 с.
3. Балюк Н.А. Русские старожилы Западной Сибири (по данным массовых статистических источников XVII–XVIII вв.) // Вторые Тюменские Родословные чтения : материалы и тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2002. 240 с.
4. Панишев Е.А. Преемственность поколений старожильского населения Тобольского уезда // Пятые Тюменские родословные чтения : материалы и тез. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2005. 206 с.
5. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории». История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М. : Круть, 2005. 720 с.
6. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М. : Круть, 2005. 720 с.
7. Репина Л.П. Личность и общество или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М. : Круть, 2005. 720 с.
8. Баикина А.И., Рябухина Т.В. История западно-сибирского рода Чикишевых // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские родословные чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Баикиной ; отв. ред. Г.Ю. Колева. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. 266 с.
9. Баикина А.И., Баикина Ю.О. История крестьянского рода Чарковых // Проблемы сохранения исторической памяти. Десятые Тюменские родословные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 сентября 2013 г. / под ред. А.И. Баикиной ; отв. ред. Г.Ю. Колева. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. 266 с.
10. Злыгостев Н.Г. Из истории старинного казачьего рода Тобольских Копыловых // Шестые Тюменские родословные чтения : материалы и тез. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2006. 230 с.
11. Злыгостев Н.Г. История крестьянского рода Балуевых // Восьмые Тюменские родословные чтения : материалы и тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2008 г. Тюмень : Вектор Бук, 2008. 228 с.
12. Злыгостев Н.Г. К истории сибирских деревень // Седьмые Тюменские родословные чтения: материалы и тез. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 232 с.
13. Тобольский уезд. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lfnf> (дата обращения: 20.07.2016).
14. Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков : Типография губернского правления, 1893. 320 с.
15. Колева Г.Ю. Судьбы владельческих деревень близ Тобольска служилых людей первой волны (XVII–XIX вв.) // Тобольск научный-2013 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, Россия, 25–26 октября 2013 г. Тобольск : Тобольская типография, филиал ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. 406 с.
16. Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. Издание императорской археографической комиссии. СПб. : Типография Н.Н. Скороходова, 1900. 395 с.
17. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии районов Сибири и Средней Азии / сост. Г.Е. Катанаев. СПб. : Тип-фия В.А. Тихонова, 1908. Вып. 1. 115 с.
18. Преображенский А.А. Урал и западная Сибирь в конце XVI – начале XVII в. М. : Наука, 1972. 391 с.
19. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Наука, 1986. 281 с.
20. Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткие очерки) / под ред. А.П. Яркова. Тюмень : Экспресс, 2010. 182 с.
21. Ромодановская Е.К. Синодик Ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Известия СО АН СССР. Сер. Общественные науки. 1970. Вып. 3, № 11. С. 14–21.
22. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : Типография М.Г. Волчанинова, 1885. 144 с.
23. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень : Типография А.А. Крылова, 1901. 72 с.
24. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. «Книги». Д. 3. Л. 85.
25. Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек и достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска. URL: <http://www.vostlit.info/Text/rus16/Miller-41/> (дата обращения: 20.07.2016).
26. Зверинский В.В. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. 60. Тобольская губерния. СПб. : Типография МВД, 1871. 478 с.
27. 1710: Переписная книга Тобольского уезда переписи Тобольского дворянина Алексея Струнина // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1493. Л. 32 об. URL: http://census1710.ru/perepis/214_1_1493.htm/ (дата обращения: 16.07.2016).
28. Книги именные тобольским ружникам и дворянам и детям боярским и подьячим и литовского и новокрещенного списков и конных и пеших казаков // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376. Л. 201. URL: <http://forum.vgd.ru/602> (дата обращения: 16.07.2016).
29. Переписные книги г. Нерчинска за 1685–1721 гг. // РГАДА. Сибирский приказ. Стб. № 1697. Л. 27. URL: <http://elan-kasak.org/forum/> (дата обращения: 16.07.2016).
30. Колева Г.Ю. Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. Октябрь. С. 127–136.
31. Гербы польской шляхты. Побог (герб); Правдиц (герб) // Википедия. URL: Wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 16.07.2016).

32. Роспись тобольским детям боярским и литовского списку и конным и новокрещенным казаком толмачю и кречатым помощником, которые посланы в Китайское государство с посланником с Николаем Спафарии // РГАДА. Ф. Сношение России с Китаем. Оп. 1. Кн. 3. Л. 230 об. URL: <http://www.vostlit.info/Text/Documenty/> (дата обращения: 18.07.2016).
33. Полное собрание законов Российской империи. 1649–1825 гг. / под ред. М.М. Сперанского : в 50 т. СПб. : Изд-во Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 16. 28 июня 1762–1765 гг. 1120 с.
34. Гарнизон Усть-Каменогорской крепости. 1771 г. URL: [http:// forum.vgd.ru/post/17/3490/](http://forum.vgd.ru/post/17/3490/) (дата обращения: 18.07.2016).
35. Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал (далее – ГАТО ТФ). Ф. И-417. Оп. 2.
36. Архив (регионального управления) РУ ФСБ РФ по Тюменской области. Ф. 5. Оп. 38.
37. ГАТО ТФ. Ф. 299.
38. Гольдберг Р.С. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от рук ВЧК-ОГПУ-НКВД в годы «красного террора» (Тюменская область) : в 3 т. Тюмень : Тюменский курьер, 2004. Т. III. 408 с.
39. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. Оп. 1.
40. ГАТО ТФ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 202. Л. 29.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 июля 2017 г.

HISTORICAL EVOLUTION OF TOBOLSK COSSACK KINS (THE 17TH–20TH CENTURIES) (ON THE EXAMPLE OF THE KRUSHINSKY KIN)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 90–99.

DOI: 10.17223/15617793/423/12

Galina Yu. Koleva, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: kin; serving people; Cossacks of Lithuanian list; population; peasants; village; repressions; Tobolsk Province.

The article considers the evolution of the Tobolsk Cossack kin of Krushinsky throughout centuries on the basis of the sources first introduced for the scientific use: household and farmstead censuses of the Krushinskaya and Poluyanovaya villages of Begishevskaya Volost of Tobolsk Uezd, documents of the Tobolsk Committee of the North, investigative cases of the Archive of the Regional Department of the Federal Security Service of the Russian Federation of Tyumen Oblast. The relevance of studying this phenomenon is connected with the Krushinsky kin belonging to the first settlers of Siberia, and also to the peculiar Siberian phenomenon i.e. to “Cossacks of the Lithuanian list”. Cossacks of the Lithuanian list made an elite military unit and were engaged in the performance of the most difficult orders, in the development of the control system of Siberia. The Krushinskys act as representatives of a rather rare phenomenon for Siberia: they were owners of possessory villages. The aim of the article is to track the duration of Cossacks’ (as a component of the population of Siberia that were first to settle on the territory) time after its accession to the Russian state. In the course of the research the author comes to conclusions about the Krushinskys’ specialization on military Cossack service, active participation in the development of Siberia, resettlement in new flagship points and outposts throughout centuries. Ownership of a possessory village was not long, owing to the colonization of the location of the village by the Tobolsk Diocese. Loss of the possessory village led to a resettlement to a nearby village. The intensity of the Cossack service with remote expeditions caused the slow growth of the kin. The numerical growth of the Krushinsky kin traced in the place of their main accommodation for the whole historical period was not considerable. The greatest representation of the kin dates back to the end of the 1920s. There was a sharp reduction of the Krushinsky kin in Siberia in the 1930s—1940s, which was caused by the Stalin repressive policy which affected the kin immensely. In the conditions of the change of the power, the good financial position, considerable plots of land pushed the Krushinskys, as well as the main part of the Cossack descendants, to fight against the Soviet power in the West Siberian Revolt of 1921. This circumstance along with the participation in World War I was the basis of repression and became the end of the historical existence of the Krushinsky kin. Those who were not victims of political repressions were subjected to forced resettlement. During the post-war period the steady family centers consisting of several generations disappeared, which finally led to their disappearance in the place of centuries-old residence.

REFERENCES

1. Krom, M.M. (2010) *Istoricheskaya antropologiya* [Historical anthropology]. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow: European University in St. Petersburg; Kvadriga.
2. Savel'eva, I.M. (ed.) (2011) *Neklassicheskoe nasledie. Andrey Polyakov* [Non-classical heritage. Andrey Polyakov]. Moscow: HSE.
3. Balyuk, N.A. (2002) [Russian old-timers of Western Siberia (according to mass statistical sources of the 17th–18th centuries)]. *Vtorye Tyumenskie Rodoslovnye chteniya* [Second Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the interregional conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
4. Panishev, E.A. (2005) [Continuity of generations of the old-timer population of Tobolsk Uezd]. *Pyatye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Fifth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the interregional conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
5. Repina, L.P. (2005) Ot “istorii odnoy zhizni” k “personal'noy istorii” [From the “history of one life” to “personal history”]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through the person: a historical biography today]. Moscow: Krug”.
6. Belen'kiy, I.L. (2005) Biografiya i biografika v otechestvennoy kul'turno-istoricheskoy traditsii [Biography and biographics in the national cultural and historical tradition]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through the person: a historical biography today]. Moscow: Krug”.
7. Repina, L.P. (2005) [Personality and society or history in biographies]. In: Repin, L.P. (ed.) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through the person: a historical biography today]. Moscow: Krug”.
8. Baikina, A.I. & Ryabukhina, T.V. (2013) [History of the West Siberian kin of the Chikishevs]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Problems of preservation of historical memory. Tenth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. 27–28 September 2013. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University. (In Russian).
9. Baikina, A.I. & Baikina, Yu.O. (2013) [History of the peasant kin of the Charkovs]. *Problemy sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Desyatye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Problems of preservation of historical memory. Tenth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. 27–28 September 2013. Tyumen: Tyumen Oil and Gas University. (In Russian).
10. Zlygostev, N.G. (2006) [From the history of the ancient Cossack kin of the Tobolsk Kopylovs]. *Shesty Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Sixth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the interregional conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
11. Zlygostev, N.G. (2008) [The history of the peasant kin of the Baluyevs]. *Vos'mye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Eighth Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. 16–17 November 2008. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).
12. Zlygostev, N.G. (2007) [To the history of Siberian villages]. *Sed'mye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Seventh Tyumen Genealogical Readings]. Proceedings of the all-Russian conference. Tyumen: Vektor Buk. (In Russian).

13. Wikipedia.org. (n.d.) *Tobol'skiy uezd* [Tobolsk Uezd]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lfnf>. (Accessed: 20.07.2016).
14. Butsin'skiy, P.N. (1893) *Zaselenie Sibiri i byt perykh ee nase'l'nikov* [Settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
15. Koleva, G.Yu. (2013) [Destinies of the possessory villages near Tobolsk of servicemen of the first wave (the 17th–19th centuries)]. *Tobol'sk nauchnyy-2013* [Scientific Tobolsk-2013]. Proceedings of the all-Russian conference. Tobolsk, Russia. 25–26 October 2013. Tobolsk: Tobol'skaya tipografiya, filial OAO "Tyumenskiy izdatel'skiy dom". (In Russian).
16. Imperial Archaeographic Committee. (1900) *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Sibirskie letopisi* [Complete collection of Russian chronicles. Siberian chronicles]. St. Petersburg: Tipografiya N.N. Skorokhodova.
17. Katanaev, G.E. (ed.) (1908) *Zapadno-Sibirskoe sluzhiloie kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii rayonov Sibiri i Sredney Azii* [West-Siberian service Cossacks and their role in the exploration and occupation of the regions of Siberia and Central Asia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya V.A. Tikhonova.
18. Preobrazhenskiy, A.A. (1972) *Ural i zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVII v.* [Urals and Western Siberia in the late 16th – early 17th centuries]. Moscow: Nauka.
19. Skrynnikov, R.G. (1986) *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Siberian expedition of Ermak]. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka
20. Yarkov, A.P. (ed.) (2010) *Kazaki Tyumenskogo regiona ot Ermaka do nashikh dney (kratkie ocherki)* [Cossacks of the Tyumen region from Ermak to our days (short essays)]. Tyumen: Ekspres.
21. Romodanovskaya, E.K. (1970) Sinodik Ermakovym kazakam (predvaritel'noe soobshchenie) [Obituary to Ermak Cossacks (preliminary report)]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Obshchestvennyye nauki*. 3:11. pp. 14–21.
22. Naydenov, N.A. (ed.) (1885) *Tobol'sk. Materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletiy* [Tobolsk. Materials for the history of the city of the 17th and 18th centuries]. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova.
23. Znamenskiy, M.S. (1901) *Istoricheskie okrestnosti goroda Tobol'ska* [Historical surroundings of the city of Tobolsk]. Tyumen: Tipografiya A.A. Krylova.
24. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214 (*Sibirskiy prikaz*). *Opis' "Knigi"* [Siberian Order. Inventory "Books"]. File 3. Page 85.
25. Miller, G.F. (c. 1734) *Opisanie gorodov, krepostey, ostrogov, slobod, sel, dereven', ostrovov, rek, rechek i dostoprimechatel'nostey na reke Irtyshe i vozle nego vverkh ot goroda Tobol'ska* [Description of cities, fortresses, jails, settlements, villages, islands, rivers and sights on the Irtysh River and near it up from the city of Tobolsk]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text4.phtml?id=10283. (Accessed: 20.07.2016).
26. Zverinskiy, V.V. (1871) *Spiski naseleennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. 60. Tobol'skaya guberniya* [Lists of populated areas of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 60. Tobolsk Province]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
27. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1493. Page 32 rev. 1710: *Perepisnaya kniga Tobol'skogo uезда perepisi Tobol'skogo dvoryanina Aleksey Strunina* [1710: The census book of Tobolsk Uezd of the census of the Tobolsk nobleman Alexei Strunin]. [Online] Available from: http://census1710.ru/perepis/214_1_1493.htm/. (Accessed: 16.07.2016).
28. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1376. Page 201. *Knigi imennyye tobol'skim ruzhnikam i dvoryanam i detyam boyarskim i pod'yachim i litovskogo i novokreshchennogo spiskov i konnykh i peshikh kazakov* [Books of names of the Tobolsk ruzhniks, noblemen, boyar children, servicemen, and horse and foot Cossacks of the Lithuanian and newly baptized lists]. [Online] Available from: <http://forum.vgd.ru/602>. (Accessed 16.07.2016).
29. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). *Sibirskiy prikaz* [Siberian Order]. Column 1697. Page 27. *Perepisnye knigi g. Nerchinska za 1685–1721 gg.* [Census books of Nerchinsk for 1685–1721]. [Online] Available from: <http://elan-kasak.org/forum/>. (Accessed: 16.07.2016).
30. Koleva, G.Yu. (2014) Service class people of Siberia: Cossacks of the "Lithuanian List". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 387. pp. 127–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/387/19
31. Wikipedia.org. (n.d.) *Gerby pol'skoy shlyakhty. Pobog (gerb); Pravdzits (gerb)* [Coats of arms of the Polish gentry. Pobog (coat of arms); Prawdzic (coat of arms)]. [Online] Available from: <http://wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 16.07.2016).
32. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund *Snoshenie Rossii s Kitaem* [Relations of Russia with China]. List 1. Book 3. Page 230 rev. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Text/Documenty/>. (Accessed: 18.07.2016).
33. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. 1649–1825 gg.* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. 1649–1825]. Vol. 16. St. Petersburg: Izd-vo Sobstvennoy ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
34. Anon. (1771) *Garnizon Ust'-Kamenogorskoy kreposti. 1771 g.* [The garrison of the Ust-Kamenogorsk fortress. 1771]. [Online] Available from: <http://forum.vgd.ru/post/17/3490/>. (Accessed: 18.07.2016).
35. State Archive of Tyumen Oblast. Tobolsk Branch (GATO TF). Fund I-417. List 2. (In Russian).
36. Archive (of the Regional Administration) of the FSB of the Russian Federation for Tyumen Oblast. Fund 5. List 38. (In Russian).
37. State Archive of Tyumen Oblast. Tobolsk Branch (GATO TF). Fund 299. (In Russian).
38. Gol'dberg, R.S. (2004) *Kniga rassstrelyannykh. Martirolog pogibshikh ot ruk VChK-OGPU-NKVD v gody "krasnogo terrora" (Tyumenskaya oblast): v 3 t.* [The book of the shot. The martyrology of the killed by the Cheka-OGPU-NKVD in the years of the "Red Terror" (Tyumen Oblast): in 3 vols]. Vol. 3. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
39. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast. Fund 1. List 1. (In Russian).
40. State Archive of Tyumen Oblast. Tobolsk Branch (GATO TF). Fund 695. List 1. File 202. Page 29. (In Russian).

Received: 02 July 2017